

Лето подходит к своему естественному завершению, дни постепенно укорачиваются, напоминая о приближении следующего времени года. Ещё длится август, но сентябрь почти наступил и торопит последний летний месяц уйти поскорее с подиума солнцеворота. Лето, неспешно отступая, оставляет за собой шлейф дневного тепла, запахи увядающих трав, цветов и нагретого асфальта города.

Осень, вступая в законные права, ежеминутно ткёт свой незатейливый, но яркий ковёр, укрывая им остывающую землю. На чёрно-сером асфальте во множестве появились листья, утратившие связь с материнским деревом. Хлорофилл в плоти листьев уменьшает свои свойства, а с ним и зелёный цвет. Зато все оттенки жёлтого, оранжевого, красного и бурого предъявляются миру каждое новое утро, легко и бесшумно ложась на землю.

Это изменение в природе заметно прибавило работы нашей дворничихе. Вот и сейчас она размашисто метёт своей синтетической метлой по асфальтовой дорожке: ш-ш-ш-ши-и-ик — справа-налево, ш-ш-ш-ши-и-ик, ш-ш-ш-ши-и-ик — и ковёр стирается, оголяя серый потрескавшийся асфальт, ш-ш-шик — и сантиметров двадцать ярких узоров исчезает.

Осень не в обиде — невелика утрата. Новые разноцветные стежки и акварельные мазки из листьев вновь появляются на выметенном полотне асфальта как по мановению волшебной палочки чародейки-осени.

Видя меня, дворничиха останавливается, приветливо улыбается, подтверждая своё хорошее настроение и отношение ко мне лично глубоким кивком, напоминающим учтивый поклон. Так она приветствует не только меня, но

и многих примелькавшихся обитателей двора из окружающих пятиэтажек-хрущёвок.

Я не знаю, как точно зовут нашу дворничиху, то ли Азиза, то ли Зайнаб. Она появилась в нашем дворе около года назад, сменив ушедшую на покой бессменную Марию Петровну. Иногда можно видеть, как бывшая и действующая трудницы дворовой чистоты что-то обсуждают. Возможно, старшая передаёт опыт младшей. Последняя почтительно слушает и кивает, опираясь на метлу.

Наверное, покинув свой аул в Узбекистане или Киргизии, Азиза (или всё-таки Зайнаб?) приехала в далёкую холодную страну, то есть к нам, в Сибирь, чтобы содержать в чистоте и порядке наш старый, густо заросший деревьями и кустами двор. Это не самая точная версия её появления в нашем дворе, главная, скорее всего, — это поиск лучшей доли, сытной жизни. Наверное, ей здесь всё-таки лучше, как той рыбе из пословицы, которая ищет где глубже.

Иногда ей помогает мальчик, лет девяти-восьми, очень похожий на неё, явно сын. Он собирает совком кучки наметённого мамой мусора в пластиковое ведро и уносит в ближайший бак, тоже мусорный. Мне кажется, что он гордится, тем, что помогает маме. Она что-то ему говорит на языке, мне непонятном, мальчик кивает и убегает, размахивая прутиком, как саблей. Дворничиха, буду дальше звать её Зайнаб, смотрит вслед мальчику, улыбается и через минутку приступает к своим не очень сложным, но таким нужным обязанностям.

Рано утром наш двор всегда плотно заставлен разномастными автомобилями, по маркам которых можно изучать мировой автопром, как, впрочем, и достаток всех обладателей самобеглых колясок. Машины припаркованы везде, где есть возможность втиснуться, особенно вдоль бордюров. Они стоят так близко, что с трудом можно пройти между ними.

В течение первого утреннего часа двор станет заметно свободнее, шире и, кажется, даже выше. Все автомобили, а это соседи по двору, постепенно разъезжаются кто куда, чтобы вечером снова собраться вместе и, прижавшись друг к другу, всю ночь шептаться о том, как они провели день.

Ко двору примыкает детский сад, в который рано утром ведут своих полусонных чад папочки, мамы или бабушки, изредка дедушки. Малыши крепко держатся своими

маленькими пальчиками за руки или обнимают шеи своих обожаемых предков. Топают или едут обнятыми, восседая на сильных руках, на свою первую в жизни службу или работу под названием «детсад».

Детский сад — тоже неотъемлемая часть нашего двора, так как фасад трёх домов обращён на это детское заведение с государственным флагом, огороженное железным решётчатым забором.

По гомону детских голосов можно сверять время дня. Расписание строго диктует ритм жизни этого временного дома пребывающих в нём детей, с нетерпением дожидаящихся своих родителей. Шум голосов ритмично сменяется тишиной, что означает наступление обеда или сон-часа, который длится после полудня до четырёх часов. Далее следует очередное пребывание во дворе, если, конечно, позволяет наша переменчивая погода. Над этой мельтешащей неугомной толпой возвышаются няньки-воспитательницы, зорко следящие за воспитуемыми и перекрикивающие по надобности весь наполненный детским гомоном двор.

Воздух нашего двора можно считать чистым или быстро очищающимся. Дело вовсе не в особом местоположении, например, в загородной зоне. Наш двор очень плотно населён разнообразной растительностью. Она так разнообразна, что может позавидовать иной ботанический сад. Обитатели двора усердно и с любовью увеличивают это разнообразие, подсаживая на свободный клочок земли то японскую вишню, то кустик крыжовника или кедровое деревце, а кто и голубую ель. Некоторые из них пока маленькие, едва достигают колена, но обещают дотянуться до небес и обсыпаться оттуда плодами, даже если им придётся расти ещё лет тридцать. Например, некоторые деревья уже вознеслись своими макушками выше крыш наших пятиэтажных жилищ. Заметьте, все они дают роскошную листву и много-много работы нашей дворничихе Зайнаб. Мне иногда кажется, что она готова улететь на своей метле от такого листопада, чтобы не превратиться в Сизифа с метлой.

Почти в центре двора раскинулась детская площадка с качелями, каруселью, железной горкой, песочницей под крышей и ещё чем-то сложным, похожим на фантазии модерниста-конструктивиста, но детям нравятся эти лазилки. Ещё немного — и по ним начнут карабкаться маленькие

аборигены двора, не посещающие детский сад. Двор огласится предупредительными возгласами: «Сонечка! Осторожно! Упадёшь!» Тем временем Сонечка или Сенечка, при почти полном игнорировании предупреждений, взбирается на конструкцию как можно выше, озирая с недостигаемой высоты окрестности и вгоняя почти в инфарктное состояние бабушку или дедушку. То вдруг с балкона на пятом этаже голосом, громким, как самолёт на взлёте, позовут Машу: «Маша! Домой! Кушать пора!» — а Маша почти с такой же громкостью крикнет: «Сейчас!» — и сразу забудет, что обещала быть сейчас; и повторится зов с более строгими интонациями, и побежит Маша исполнять долг кашеда, так и не завершив свою бесконечную игру, отложив её на потом.

С высоты моего балкона, и других тоже, двор представляется сценой в театре, где все действия происходят в реальном времени — как сейчас говорят, онлайн. Всё, что происходит на сцене двора, гораздо медленнее, чем на подмостках театра. Участники текущего представления не ограничены во времени, свободны в своих импровизациях.

К середине дня, если, конечно, день достаточно тёплый и не ветреный, лавки занимают очень взрослые женщины, а точнее, нисколько не оскорбляя их женского достоинства, просто старушки. Некоторые из них опираются на отполированные клюки, неспешно подходят к лавкам, смахивают невидимые мне соринки и степенно рассаживаются. Непродолжительное время они молча осматриваются и замирают, глядя перед собой, как будто медитируют. Может быть, сейчас они вспоминают, каким был двор, когда они были молодыми и к ним подсаживались их будущие мужья, которые, заторопившись, однажды ушли в мир иной, оставив их в одиночестве досиживать свою старость на тех же лавках. Вот поэтому стариков, сидящих на лавках, не видно. Их нет. Те из них, которые ещё есть, степенно проходят по асфальтовым дорожкам в сторону ближайшего супермаркета, благо он рядом, за углом крайнего дома. Возвращаются старики с небольшим грузом в пластиковых пакетах, исполняя привычную роль добытчиков. Им некогда рассиживать по лавкам, не мужское это дело — лясы точить с бабами.

Эти женщины супербальзаковского возраста почти ежедневно обсуждают свои насущные проблемы. Они склоняют

головы в платочках или самовязанных шапочках, подставляя свои глухие уши поближе к собеседницам. Разговоры крутятся вокруг своих бесчисленных немощей-болезней, которые вцепились и не отпускают тело и душу. Достаётся попутно и непутёвым врачам, будто они держат их здоровье под прилавком и ждут хорошей цены. Поругивают власти за маленькие пенсии и высокую квартплату, повышающиеся цены в магазинах. Жалуются на зятьёв и невесток, хвастаются достижениями внуков, а некоторые — и правнуков. Покормив припасёнными крошками хлеба воробьёв и голубей, кряхтя, разбредаются восвояси, залечь на диванчик напротив телевизора, тем более что скоро очередная серия любимого сериала.

Через некоторое время освободившиеся лавки занимают стайки подростков, приобщающихся к пиву и табаку, оглашая двор девчоночьим визгом и басовитым хохотком, срывающимся в «петуха», пацанов-отроков лет тринадцати-пятнадцати. Эти обитатели двора не задерживаются долго на лавках в силу своей возрастной неумности и темперамента. Погомонят минут пятнадцать-двадцать — и вдруг спорхнут в разные стороны, как напуганная кошкой стайка воробьёв, продолжать набираться жизненного опыта, оставив после себя конфетные фантики и пустые пивные банки, те самым дав повод посетовать на невоспитанность и нигилизм.

Ближе к наступлению темноты самые затенённые, под склонившимися яблонями, лавки занимают гражданами и гражданками неопределённого социального сословия, возраста, потрёпанной внешности, но с весьма определёнными намерениями — выпить и поговорить. В тёплый летний вечер это может затянуться за полночь, иногда разрешиться дракой, приездом полицейского патруля, что ускорит исчезновение и этих персонажей со сцены двора. Останется тишина, пустые бутылки и, конечно, мусор для дворничихи Зайнаб.

Эпилог

Двор мирно засыпает, накрытый пологом ночи, вытканым звёздами нашей спиралевидной галактики в виде Млечного Пути, чтобы утром начать свою привычную жизнь, независимо от времени года, и потом снова сделать очередной оборот вместе с планетой, летящей вокруг тёплой звезды по имени Солнце.